

В. Ф.
ОДОЕВСКИЙ

Избранное

Владимир Одоевский
Езда по московским улицам

«Public Domain»

1866

Одоевский В. Ф.

Езда по московским улицам / В. Ф. Одоевский — «Public Domain», 1866

"С недавнего времени, по весьма дельному распоряжению полиции, тротуары посыпаются песком, т.е. делается вид, будто посыпаются, но московская лень хитра на выдумки; очистка снега и посыпка песком производится самым курьезным образом..."

Содержание

Владимир Федорович Одоевский

Езда по московским улицам

Ради общей пользы считаем долгом обратить внимание тех, кому о сем ведать надлежит, что на московских улицах существует особого рода беспорядок, не только препятствующий удобному сообщению, но и подвергающий проезжих и проходящих по улицам положительной опасности. Можно подумать, смотря на многие московские улицы, что они предназначены вовсе не для проезда, а разве для удобства преимущественно лавочников, а частью домовладельцев. Подъезжающие к лавкам возы (например, на Смоленском рынке, по всему Арбату и других подобных местностях), равно легковые и ломовые извозчики, становятся так, как никто не становится ни в одном городе мира, а именно: не гуськом вдоль тротуара, но *поперек улицы* и часто с обеих сторон ее¹. Последствия такого невероятного обычая очевидны. Узкое пространство, остающееся между стоящими поперек возами, недостаточно для свободного сообщения; едва и обыкновенные экипажи, встречаясь, могут разъехаться. Но совершенное бедствие, если навстречу попадутся тяжелые возы или, что еще хуже, *порожняки*, которые навеселе скачут сломя голову на разнузданных лошадях, не обращая ни малейшего внимания на то, что задевают и экипажи и пешеходов; если кого и свалят, кому колесо, кому ногу сломят, то они, порожняки, уверены, что всегда успеют ускакать, прежде нежели их поймают. Напрасно *хожалые*², хотя изредка, вскрикивают, чтоб возы и экипажи держались правой стороны: требование весьма разумное, но материально неисполнимое, когда улица загорожена *поперек* стоящими возами.

Спрашивается: на чем основано право возов становиться поперек улицы и загораживать ее, когда улица – есть земля городская, и пользование ею принадлежит всем обывателям города, а не тому или другому лицу, хотя бы он был извозчик или даже лавочник? Предложите этот любопытный вопрос жошалам, и они будут вам отвечать, что «это лавочники распоряжаются».

Оно и действительно так. Лавочнику лень проходить к возам, которые стояли бы вдоль по улице; для этого лавочнику надобно сделать несколько шагов лишних; он находит гораздо спокойнее поставить возы рядом против своей лавки, иногда на целый день, словом, обратить улицу в свой двор или в свою конюшню, а что он, ради своего спокойствия и немалой для него выгоды, загораживает улицу – об этом он и не помышляет. Авось-либо обойдется! И, действительно, обходится, и обходится каждый день, а если от тесноты сломалось колесо у экипажа, лошади попорчены, пешехода смяли между возами, то разве лавочник в этом виноват? Это вина самих проезжающих и проходящих – его, лавочника, дело сторона; он стоит у своей лавки и оберегает свои выгоды на счет других городских обывателей.

Но скажут, может быть: если, по распоряжению лавочников и по милости их возов, нельзя ездить по московским улицам, то можно, по крайней мере, ходить пешком по тротуарам? Тщетная надежда! Назначение московских тротуаров еще загадочнее московских улиц; для чего собственно существуют у нас тротуары – покрыто мраком неизвестности. Но лавочники отгадали и эту загадку. Они считают не только улицу, но и тротуар принадлежностью своих лавок. Не угодно ли заглянуть, с утра до вечера, хоть на Смоленский рынок? Вы найдете на тротуарах не только ведра, мешки и прочий товар, но и корыта для корма лошадей, или решета и прочую тому подобную посуду, живописно поставленную рядом так, что проходящий по тротуару с одной стороны сжат мешками и ведрами, а с другой – лошадиными мордами; и счастье еще, когда лошадь не кусается, как это часто бывает с крестьянскими лошадьми. Должно, к сожа-

¹ То же бывает и на многих улицах Петербурга.

² Жошалые – низшие чины городской полиции: солдаты, рассыльные.

лению, повторить, что такого порядка или, лучше сказать, такого отсутствия всякого порядка не встретишь ни в одном городе в мире.

Но положим, что, порядочно замаравшись и об мешки и об лошадиные морды, перескочив через ведра и корыта, вы вышли, наконец, на просторное место: берегитесь – летом тротуар исковеркан, а зимою покрыт гололедицею. С недавнего времени, по весьма дельному распоряжению полиции, тротуары посыпаются песком, т. е. делается вид, будто посыпаются, но московская лень хитра на выдумки; очистка снега и посыпка песком производится самым курьезным образом: во-первых, на некоторых тротуарах посыпается не самый тротуар, а только окраины или скат тротуара, для того, вероятно, чтоб проезжающее начальство могло подумать: должно быть, хорошо тротуар посыпан песком, если песок ссыпается даже на скат. Действительно, кому придет в голову такое остроумное изобретение? Во-вторых, для очищения тротуаров употребляется не лом, как например, в Петербурге, а какая-то нелепая скребка, посредством которой, шутя, счищается снег и... открывается гололедица, по которой можно разве кататься на санках, но отнюдь не ходить. Лома вы почти не увидите на улицах и тротуарах московских; существование этого инструмента, кажется, еще не достигло до сведения ни дворников, ни домохозяев. К довершению курьеза, скупая посыпка песком, если это где и делается, то делается так, чтоб она отнюдь не достигала своей цели: предохранять проходящих от удовольствия сломить себе шею. Кажется, чего бы проще, один работник счищает снег, а другой за ним идет и тотчас сыплет песком? Ничуть не бывало. В Москве распорядились иначе, по-своему: два работника поутру усердно счищают снег и *открывают гололедицу*, а уж к вечеру они же оба будут сыпать и песочком, вероятно, по тому расчету, что ночью меньше ходят, нежели днем, и, следовательно, на другой день уж не нужно будет вновь хлопотать о посыпке песком – останется вчерашний, а если кто в этом промежутке поскользнется и сломит себе ногу, то, видно, уж ему на роду так написано. Так и знаменитый московский оракул, полусумасшедший Иван Яковлевич³ разьяснил это дело.

Вообще курьезам нет конца. В Петербурге против ворот, большею частью устроенных под домами, необходимость заставляет иногда опускать тротуар для въезда экипажей в ворота; это не представляет важных неудобств, потому что в Петербурге, большею частью, тротуары ровные, очищаются от гололедицы до камня и усердно посыпаются песком. В Москве, напротив, ворота под домом большая редкость; между тем нет дрянного домишка, перед воротами бы которого не было бы выемки в тротуаре, и большею частью весьма крутой. Спрашивается: для чего эти опасные для проходящих выемки, не имеющие решительно никакого человеческого смысла: уж не для красоты ли? чего доброго! Говорят, что прежде были при этих выемках ступеньки, но впоследствии ступеньки заменены скатом – для удобнейшего падения проходящих.

Нужно к тому прибавить, что и водосточные трубы с домов устроены особым, оригинальным образом. В Петербурге, как и в целом мире, водосточные трубы нижним концом проводятся *сквозь тротуар* и так, что вода, проходя под тротуарною настилкою, вливается в канаву, находящуюся обыкновенно между тротуаром и мостовую. В Москве водосточные трубы патриархально выливают воду прямо на тротуар, а уже с тротуара вода стекает в канавку: от этого чудного устройства даже очищенный тротуар пересекается горбами гололедицы, к чему присоединяется все то, что ночью и днем льется безнаказанно на наши тротуары, а летом и весною доходит до нестерпимого зловония – обстоятельство довольно важное всегда, а особенно в случае повальных болезней, какова, например, ожидаемая к весне холера.

Но мы не кончили еще с курьезами московских улиц. Иногда, по весне, между домами и тротуарами, а также между тротуарами и мостовую вырастает травка; очевидно, что в этих местах трава ничему вредить не может – напротив, она до некоторой степени есть спасение

³ *Корейша И.Я.* (1780–1861) – московский юридивый; его полусумасшедший бред суеверные купцы и мещане воспринимали как откровения и прорицания. См. о нем в очерке Одоевского «Ворожеи и гадалышки».

против нечистот, которыми *утучняются*⁴ наши тротуары; заросшая в этих местах зелень уничтожает до некоторой степени зловоние. Но в Москве рассудили иначе. Хожалые находят, что эта трава есть безобразие и что гораздо благоприличнее оголить нечистоты, скопляющиеся у нас на тротуарах. По такому рассуждению они заставляют дворников выщипывать травку за травкою и за этим наблюдают строго. Неужели хожалые в этом случае действуют по приказанию начальства? Мы этому не верим. Здесь, вероятно, просто фантазия самих хожалых. Ведь заставляли же они усыпать песком тротуары летом, что было замечено в журналах прошедших годов и что, кажется, теперь прекратилось.

Но не прекращается многое другое. Загляните во все кремлевские ворота. <...>

Здесь от возов и от порожняков, по тесноте и крутизне места, еще больше опасности, нежели где-либо. Никогда въезжающий с одной стороны экипаж, а особенно воз или порожняк, не остановится *за воротами*, послышав приближение экипажа с другой стороны; оба лезут напролом, кто кого прежде сломит, да на скате трудно и остановить лошадь. <...>

Спрашивается также, отчего в Москве, или, например, в Петербурге, не положено определенного времени для проезда возов, особенно в кремлевские ворота, вообще узкие? Зачем возы даже допускаются к проезду через Кремль, когда им гораздо удобнее было бы проезжать окружными улицами. <...>

На все указанные нами беспорядки слышатся жалобы со всех сторон, но обыкновенно прибавляют, что «тут делать нечего», или, по выражению хожалых: «*ничего не поделаешь*». Многие сожалеют об отмене телесных наказаний; по мнению этих господ, если уж нельзя употреблять телесных наказаний, то *нечем и наказывать*.

Мысль неверная и весьма опасная; распространению этой мысли необходимо противодействовать всеми силами. Благодетельный закон, отменивший телесные наказания, не только бесполезные, но даже вредные, нисколько не обезоружил лиц, которым вверено городское благоустройство. Конечно, дело немножко затруднилось и требует большей заботливости, потому что легче дать пинка без дальних разговоров, нежели рассмотреть степень виновности совершившего проступок; но одно стоит другого. <...>

Несчастливая мысль о том, что с отменой телесных наказаний уничтожились все наказания и что суду подвергаются лишь за преступления, а не за проступки, от говора чиновников перешла и в толпу. Надобно разуверить толпу, и разуверить ее *на самом деле*; когда лавочник, распоряжающийся улицею, как собственным двором, загромождающий тротуары; извозчик, загораживающий улицу; возчик, едущий на разнузданной лошади; порожняк, барчонок или купчик, скачущий по улицам – будут, «несмотря ни на какое лицо», по выражению закона, задержаны полициею *именно за этого рода беспорядок*, то и другим неповадно будет творить то же самое. Несколько примеров скорого положительного взыскания подействуют лучше всяких так называемых *внушений* и

«Слов не тратить по-пустому,
Где нужно власть употребить»⁵.

А затем в высшей степени будет полезно объявить во всеуслышание не только о *происшествии*, но и о постигнувшем нарушителя порядка наказании.

Полиция, должно отдать ей полную справедливость, в настоящее время сделалась весьма вежливую – так и следует; но то беда, что многие ее исполнители смешивают *вежливость* с неуместным снисхождением или *послаблением*; необходимо им убедиться, что *вежливость, а закон законом*; что при виде беспорядка на улице, подвергающего опасности

⁴ Утучняются (*устар.*) – удобряются.

⁵ Неточная цитата из басни И.А. Крылова «Кот и повар».

жизнь и здоровье проезжающих и проходящих, должно отложить в сторону всякое снисхождение и действовать *законно*, но, так сказать, *беспощадно*, «несмотря ни на какое лицо». Виноват – задержать, и под суд.

Конечно, многое зависит и от содействия публики; но беда наша в том, что публика плохо знает законы и часто не может различить дозволенное от незаконного. Кто пойдет справляться в огромном II томе «Свода Законов» с приложением к статье 4415, где помещено на стр. 1247 «наставление полицейским чинам, к управлению квартала принадлежащим»; иной, пожалуй, если ему дать и книгу в руки, не будет уметь отыскать в ней этого приложения, а между тем оно содержит в себе весьма подробные и весьма душеспасительные правила не только для полицейских чинов, но и *для всякого городского обывателя*.

Почему бы не напечатать этого «наставления» особою брошюрою и не раздать в книжные лавки или разносчикам газет?

Почему бы извлечение из него тех пунктов, которые относятся собственно до извозчиков и дворников, не напечатать на больших листах и не приклеить в разных местах города? да напечатать это объявление не по обычаю, т. е. не мелким шрифтом, и не вывешивать выше глаза человеческого, а шрифтом в восьмую часть вершка и приклеить пониже, чтоб в глаза бросалось? Скажут: мужик не будет читать. Правда, когда бумага – сама по себе, а исполнение – само по себе; но когда схватят молодца, приведут к наклеенному листу, да прочтут ему, что он идет под суд или подвергается штрафу, то будьте уверены, в другой раз и сам прочтет и другим накажет – откуда грамотность возьмется!

Все это хлопотно – не спорим; да без хлопот никакое дело не творится. Мы уверены, что какие бы ни были затруднения, но найдется энергическая рука, которая, не спеша, законно, но *без усталости, последовательно и настойчиво* вытравит закоренелые у нас незаконности и ту легкомысленную беззаботность, которые встречаются почти на всех степенях нашей городской жизни и портят нашу прекрасную Москву. Право, пора!